

ЧТО ТАКОЕ ХУЛА НА ДУХА СВЯТОГО?

Ответы на вопросы открытых встреч

Вопрос: Что означают слова Христа «не мир, но меч»? Возможно ли такое толкование: Христос ставит человека перед выбором и человек должен пойти ради Христа на все?

Священник Георгий Кочетков: Человек должен совершить в своей жизни выбор между добром и злом. Это и отражает образ меча в процитированных Вами словах Христа. Меч разделяет, рассекает — мир объединяет, соединяет, приводит к общению. Бог хочет мира, Бог хочет объединения, но Господь предупреждает Своих учеников о том, что живя в мире, лежащем во зле, они через это обретут разделение, потому что всегда будут противники Божьей воли, всегда будут противники Божьего дара, Божьего мира.

Вопрос: А может быть, этих противников просто воцерковить — и всё?

О. Георгий: Если у кого-то это легко получится — пожалуйста, никто не будет против. Это было бы замечательно. Но тот, кто попробует, сразу увидит, что реально это получается совсем не просто. Господь знает силу зла, в котором лежит мир сей, отпавший от Бога, поэтому и говорит так. Если бы всё было просто, не надо было бы никого ни о чём предупреждать.

Вопрос: Христос говорит, что дьявол не может изгнать себя сам, однако в жизни бывают случаи, когда одно зло изгоняется другим. Например, жажда славы помогает избавиться от лени. Нет ли тут противоречия со словами Христа?

О. Георгий: Нет, конечно, потому что когда жажда славы даже, например, избавляет человека от лени, такое избавленное от лени приводит лишь к активизму, но не к смирению, не к послушанию Богу, т.е. добро из этого не возникает. Даже избавившись от лени, человек из огня да в полымя попадет. И в любом случае попадет из одной страсти в другую. Когда происходят подобные вещи, то ничего не меняется по сути, по духу, по смыслу жизни, и это нужно очень хорошо понимать. Это очень важно для современных людей, ведь им кажется, что если они добились какой-то одной, предположим, даже действительно хорошей цели, то значит, они обрели что-то хорошее. Но совсем не обязательно будет так. Можно избавиться от одного зла, но действительно, попасть совсем в другую, иногда даже не лучшую, а ещё худшую ситуацию.

Вопрос: То есть в ситуации, когда «носик вылез, а хвостик завяз», носик и хвостик — равнозначны?

О. Георгий: Да, вполне.

Вопрос: Можно ли слова «Кто не со Мною, тот против Меня», трактовать так: кто не помогает Господу, тот помогает злу?

О. Георгий: Ну, в общем, в каком-то смысле можно, потому что Господь не случайно говорит: «Кто не собирает со Мною, тот расточает», «Кто не со Мною, тот против Меня». Да, если ты не собираешь со Христом, если ты не слушаешься Господа, если ты не идешь за Ним, то ты, пусть даже невольно, пойдешь против Него. Даже не желая того, ты окажешься среди богопротивников, потому что и неслучайное доброе дело, неисполненное предназначение — всё равно зло. Древняя церковь очень всерьёз к этому относилась — не

только к тому, что человек делал, но и к тому, что он не делал, хотя мог бы сделать (если это относилось, конечно, к добру, к Божьему делу, к Божьей жизни). В нашей жизни это редко учитывается. Обычно считается, что если ты не делаешь ничего плохого — ты хороший человек. Ничего подобного! Ты можешь быть очень плохим человеком даже если ты, предположим, внешне глядя со стороны, ничего плохого не делаешь. Поэтому что если ты лентяй и бездельник, если ты ослабленный и толку от тебя никакого, то тебе Царство Небесное не откроется.

Фреска «Поцелуй Иуды». Церковь св. Николая в г. Прилеп, Македония. 1298 год.

Вопрос: Что такое хула на Духа Святого, почему она не прощается?

О. Георгий: Потому что Дух Святой даёт о себе знать настолько сильно, что человек не может сказать, что он не чувствует действия Духа. Если Дух действует, а человек говорит, что это не Дух Божий, а действие какого-то чуждого Богу духа, то он наверняка лжёт. Можно обманываться умом, рационально. Людей легко обмануть, они часто обманываются. Людей легко обманывали в отношении Бога и Церкви, в отношении Христа, и люди выступали против Бога и Христа — Сына Божьего, нашего Спасителя, и против Церкви, потому что они не знали ни того, ни другого, ни третьего. Но сказать, что люди никогда в жизни не чувствовали благодати, любви, свободы, тяготения к истине, не может ни один человек на земле. Поэтому если человек начинает бороться с Богом или хулить Бога в том, что он знает, то эта вина уже не прощается. В этом и смысл слов Христа — нельзя, никогда нельзя божеское назы-

вать небожеским, добро называть злом, свет называть тьмой. К сожалению, бывает, что люди хулят Бога только потому, что они в чём-то разочарованы, только потому, что они в чём-то получили воздаяние за свои грехи. Им кажется, что ничего этого не должно быть, коли Бог добр, что Он должен их охранять в любых условиях от всего, даже если они от Него отвернулись. Но это абсолютно неправильная позиция, это тот путь, который приведёт человека лишь к унынию, к погибели и, в общем-то, к полному извращению жизни, то есть к тому, что и называется непростением, неисправлением человеческого пути.

Вопрос: Ну да — как исправляться, если ты добро не считаешь добром или зло не считаешь злом?

О. Георгий: Ну, конечно. Если ты не знаешь, куда тебе идти, если ты не знаешь, на кого ориентироваться, если ты полностью дезориентирован себя, а заодно и других, то что же хорошего из этого выйдет.

Вопрос: Это очень свойственно современной культуре. Ей свойственна и другая вещь: когда добром повсеместно называется и признаётся то, что добром не является, любовью называется то, что является на самом деле тяжёлым смертным грехом и т.д., причём это принято в культуре. А в этом есть ли элемент хулы на Духа Святого?

О. Георгий: Во всяком случае, это очень близко. Это ещё, может быть, не хула на Духа Святого, но это тот путь заблуждения, который не позволяет людям даже взглянуть на Бога, поднять голову и познать благодать Божью. Поэтому все разговоры, которые как раз наводят тень на плетень, наводят вот эту мусть в жизни, и в мозгах, и в сердцах, и в делах людей — всё это лукавство — оно прямо ведёт к хуле на Духа Святого. Может быть, это ещё, действительно, не есть хула, но то, что это может очень легко, очень быстро привести человека к такому страшнейшему состоянию, почти безвыходному состоянию — это так.

Вопрос: Что значит быть как дитя, и как его можно принять?

О. Георгий: Принять надо простым и чистым сердцем. Дитя надо принимать как дитя. Кто любит детей за то, что они могут открыть своё сердце Богу, за то, что они могут непосредственно воспринимать благодать и непосредственно реагировать на неё благодарностью, тот, конечно, сам обретает черты жителя Небес, то есть Царства Небесного. Да, дитя нужно было поставить в пример всем, кто заблуждался в отношении откровения Божьего, откровения Божьего Царства. Нужно было всем показать, что непосредственное, экзистенциальное открытое состояние сердца, которое свойственно бывает в определённом смысле детям, является лучшим образцом христианской жизни. Поэтому надо не просто внешне любить детей, потому что они такие маленькие, смешные, приятные, наивные и т.д. — нет. Не надо из них делать игрушку, не нужна здесь бывает и сентиментальность. Детей надо любить таким образом, чтобы развивать в них лучшие качества и помогать им не утерять с возрастом, с созреванием личности то, что им дано непосредственно Богом. Вот это главное.

НЕУЖЕЛИ МОЖНО В ДРУГОЙ РАЗ РОДИТЬСЯ?

Из письма человека, только что вошедшего в Церковь, своему катехизатору

... Мы еще совсем маленькие, но мы растем. Мы и похожи, и непохожи на растущего младенца. И он, и мы по рождению беспомощны. Он сразу мил. Мы сразу неказисты и не очень симпатичны. Нас много, и мы растем вместе. Кто-то быстрее, кто-то медленнее, поэтому наше общение Я немного неказистое и корявое. Но мы растем, и наша корявость понемногу исчезает, и проявляется что-то симпатичное. Как и человек, мы должны пройти все периоды роста, начиная с отрыва пуповины и обретения способности дышать воздухом. Проходит младенчество, с его желудочными коликами и бессонными ночами, ползунками и первым стоянием на ногах — пока в «манеже». Наступает счастливое детство, обретение грамоты, первое осознание свободы. Зубки уже прорезались, и укропная водичка вся выпита, теперь сыпятся синяки и шишки, когда мы не смотрим под ноги или залезаем на дерево. Мы дети в старом лесу. Мы лезем на тонкие и трухлявые деревья, потому что нашим маленьким ручкам не обхватить могучие стволы. Мы собираем не те ягоды, которые можно есть, а те, что красивы. К счастью, взрослые недалеко, и мы не всегда успеваем наесться досыта волчьих ягод и мухоморов. Нам часто встречаются хорошие и полезные ягоды. Но с земляничной поляны мы уползаем с температурой и горящими рожицами, а в малине столько червячков!!! Вот, на опушке режутся подростки. Горизонт чист, ноги длинные, сам знаю, куда иду, стари-

кам не угнаться! Мы слышим голоса этих длинноногих и сильных, нам тоже хочется к ним, но еще больше нам пока хочется за ручку...

Итак, мы растем. Чувствуем ли мы этот рост? Дети его не замечают, но мы внимательнее — мы родились во второй раз. И мы познали радость второго рождения. Наши первые буквы не от А до Я, но от Альфы до Омеги. Наши губы шепчут не «мама мыла раму», но «В начале было Слово». И если в нашем первом рождении первые слова — это труд и удивление, то во втором — труд и радость. Возрастание радости — признак роста. Ты с трепетом берешь в руки Книгу. Но когда вместо скрипа извливи, свойственного третьему этапу оглашения, ты взлетаешь на волне радости не только от понимания того, что твой духовный букварь ты выучил на пять, но и оттого, что легко и волшебное приобщаешься великой любви, о которой так много слышал и читал. Ты понимаешь: Что-то с тобой точно происходит, и это не мираж.

Я помню ощущение восторга, с которым когда-то, давным-давно, открывал для себя математические премудрости и философию. То было сродни юношескому открытию «Мастера и Маргариты», Рильке и Бродского, Пуленка и Моцарта. Но тогда был, скорее, восторг обладания. Как ощущение новенького винила («Wish you were here» Pink Floyd в твоих бедных студенческих руках, чудом обремененного на заезженный «Waiting for the sun» американского вокально-инструментально-

го ансамбля Дверз (Doors)» в начиненной габешниками московской подzemке где-нибудь на станции «Дзержинская». То было невероятно и чудесно. Это — божественно. Цунами живой воды взрывает древнюю толщу Черного моря нашей быденности, вливая новое детство и новую жизнь второго рождения в наши плоть и души. И мы как дети тянемся за теми, кто приобщает нас этой радости и любви. Только если раньше мы стремились — хотя бы в мечтах — приобщиться к сей славе, сему богатству, мужественности, красоте, то теперь мы мечтаем о том преображении, которое хоть чуть-чуть приблизит нас к «стоящим одесноу».

Каковы другие признаки нашего роста? Пожалуй, крушение этой мечты. Вернее, спасение в этом крушении, ибо кто уберется от соблазна вознестись, ощутив первое приобщение Истине! Но что несет с собой падение после мирского соблазна? Черноту и тоску безнадёжную. В нашей новой жизни опыт преодоления соблазнов пока очень невелик, но вот что я успел заметить: даже в тьму-тьмущую и полное беззвездие может вернуться (если только мы не слишком плотно заперем свое сердце) синее октябрьское небо, а падающие к нашим ногам желтые листья помогут нам оплакать нашу печаль. И потом шуршание детских ног и радостный смех возвратят нас из печали в наше новое детство, потому что мы вдруг встретим и вновь обретем себя...

Михаил Рожков

СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ ПРОИЗОШЛО И КОТОРОЕ НЕ ПРОИЗОШЛО

— так назывался вечер, посвященный 80-м — 90-м гг. XX века. Этот взгляд в недавнюю историю российского общества закончил работу первого дня конференции «Церковная соборность и общественная солидарность».

В разговоре приняли участие известные историки, социологи, публицисты, церковные деятели. Открывая вечер, один из ведущих, духовный попечитель Преображенского содружества свящ. Георгий Кочетков заметил, что организаторы намеренно не стали слишком конкретизировать тему, считая своей задачей сохранить многообразие подходов, вызванное большим различием опыта и взглядов участников. «Мы просим каждого поделиться своими ощущениями, основными вехами памяти», — сказал он. В то же время он предложил обращаться лишь к заявленному в программе историческому периоду, фактически закончившемуся началом президентства В.В. Путина. Второй ведущий, директор по исследованиям представительства ВР в России, член Госдумы РФ первого созыва В.П. Аверчев, призывая делиться не столько концепциями, сколько свидетельствами, начал обсуждение с утверждения: «У нас не случилось покаяния, и сегодня мы сталкиваемся с последствиями этого».

Е.П. Чуковская — одна из «невидимок», помощниц Соляницына — вспомнила, что для нее 80-90-е были временем надежды, когда она чувствовала, что от нее что-то зависит. «Для меня перестройка закончилась с провалом суда над компартией», — сказала она, отметив, что событие, которое не состоялось в эти годы, это именно суд над виновниками советского прошлого.

Известный публицист **В.И. Илюшенко** постарался уложить в десятиминутное выступление развернутый и комплексный анализ двадцатилетия, которое назвал пестрым временем. Он отметил, что попытки модернизации страны вызвали сопротивление не только со стороны чиновников, но и со стороны населения. Образовался идеологический вакуум, который церковь оказалась неспособной заполнить. Ни общество, ни церковь не прошли через покаяние, интеллигенция стала обслугой власти. Охарактеризовав двадцатилетие в целом как время упущенных возможностей, В.И. Илюшенко предупредил, что последствия этого могут быть трагическими. Однако при любом развитии событий «наша задача — следовать за Христом, являть милосердие, работать на консолидацию общества, удерживать людей от гражданского противостояния, молиться за тех и за других», — сказал он в заключение.

Профессор **Ю.Н. Афанасьев** с горечью обратился к развенчанию мифа о победе демократии в России в 1980-90-е годы: «Какова была роль таких, как я? Мы все говорили тогда хорошие слова и их было сказано много, но ни права, ни суда, ни разделения властей — ничего этого не было. Мы сыграли роль ширмы, за которой что-то происходило». По мнению Ю.Н. Афанасьева, главный смысл происшедшего — полное утверждение у власти государственно-партийной номенклатуры советской эпохи через овладение народным достоянием в качестве своей частной собственности.

Проф.-свящ. Георгий Кочетков перевел разговор в принципиально иную плоскость: «Для меня подлинной революцией является революция духовная, т.е. просто духовная жизнь, обновление, способность слышать то, что говорит нам Господь и хоть в какой-то мизерной мере, хоть с горючим зерно, исполнять услышанное». В связи с этим он вспомнил как свой собственный путь в церковь, так и непростой путь основанного им духовного движения. Начав эти воспоминания с церковно значимого события 1981 года, получившего большой резонанс в России и за рубежом, — чтения ректором Ленинградской духовной академии (ныне митр. Смоленский и Калининградский Кирилл) над оглашаемой студенткой Ленинградского университета молитвы на начало оглашения по-русски в переводе о. Георгия — он закончил их снятием в

рождение, на будущее».

«Главное, что произошло в это двадцатилетие — это освобождение от лжи. Это колоссальное событие», — так начал свое выступление **В.П. Аверчев**. Отметив, что в советское время сформировался реальный средний класс, основанный не на отношении к собственности, а на общности взгляда на происходящее, он отметил, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов власть была дискредитирована в глазах многих людей, а этот средний класс был разрушен в результате экономического кризиса. Докладчик оспорил мнение о сознательных действиях номенклатуры, отметив, что люди, оказавшиеся у власти, не понимали, что происходит. Закончил он свое выступление предложением обратить обличение и призыв к ответственности прежде всего к самим себе.

Поэт **О.А. Сedaкова** признала, что неудача 80-90-х была слишком предопределена всем, что происходило в предыдущие десятилетия. «Среди застрельщиков перестройки я не видела людей своего круга», — сказала она. — Все они так или иначе были связаны с предыдущим режимом». Если принять гипотезу о среднем классе, возникшем в советское время, то следует признать, что этот средний класс нигде не годился: им не было накоплено знаний, качества, устойчивости. «Чуда не произошло, но многое произошло», — сказала О.А. Сedaкова, предложив присутствующим представить, возможен ли был бы публичный разговор подобного рода, скажем, в начале 80-х.

«Я принадлежу к семье и кругу сознательных, последовательных врагов советского режима», — сказала, предвзято свое выступление доцент СФИ, библист **А.И. Шмайна-Великанова**. — Все, среди кого я выросла, были каторжанами, или женами каторжан, или невестами не вернувшихся».

Начав с того, что признание преступности советской власти для нее не было откровением, А.И. Шмайна-Великанова отметила, что между 1990 и 1993 годом в обществе было ощущение дыхания свободы. «А потом произошел октябрь 1993 года. Парламент был отвергнут, но интеллигенция поддержала то, что по нему палили из пушек. С этого момента я не верю в возможность общественного движения русской интеллигенции. Только в маленьких и частных действиях, только в общественном движении я вижу вообще какое-то проявление общества», — сказала она.

А.Г. Левинсон, руководитель отдела социокультурных исследований Левада-центра (ранее — ВЦИОМ), призвал присутствующих учитывать контекст, в котором происходили как сами события 1980-90-х, так и их сегодняшнее осмысление. Сейчас в памяти большинства людей то, что происходило в эти годы, превращено в ничто, заметил он. Наиболее типичными являются представления о том, что это были какие-то «разборки» или (другая версия) «развал цветущей могучей страны и превращение ее в руины, на которых мы и пребываем». Если же говорить о покаянии, то среди большинства населения России широко распространена идея, что каяться должны не страна, не церковь,

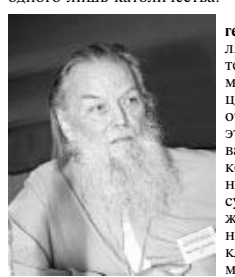

не палачи советского периода, чьи руки огагрены кровью, а три человека — Гайдар, Чубайс и ныне покойный Ельцин. Т.о. по мнению А.Г. Левинсона, ситуация в настоящее время не осмыслена «ни широкой общественностью, ни узкой, ни очень узкой». А ведь разговор о 1980-90-х — это разговор о будущем, о том, кто сможет взять на себя ответственность в тот момент, когда по тем или иным причинам перед Россией вновь откроется окно возможностей, подобное тому, которое существовало в какой-то период на рубеже 80-х — 90-х.

Руководитель центра по проблемам религии и общества проф. **А.А. Красиков** привел небольшую цитату из недавно опубликованного в Москве сборника «Введение в христианство», содержащего выступления Иосифа Ратцингера, ныне папы Бенедикта XVI — о том, что столетия церковной истории показали несостоятельность церкви, ныне часто служащей «помехой для истинного духа христианства». Сославшись на мнение православных рецензентов книги, подчеркнувших глубину традиционализма богословия автора и одновременно его способность ответить на острые вызовы времени, А.А. Красиков призвал слушателей к пониманию того, что проблемы, обозначенные в цитате, касаются далеко не одного лишь католицизма.

Прот. Павел Адельгейм предложил слушателям вернуться к 80-м с тем, чтобы развенчать два мифа — политический и церковный. По словам отца Павла, первый из этих мифов — существование многомиллионной компартии, которая в одночасье прекратила свое существование. На самом же деле «это была маска, надетая на нашу номенклатуру — маска, которая мешала не только видеть, но и кушать». Номенклатура, которая к 1980-м годам имела многое, вынуждена была выкинуть маску, чтобы наслаждаться тем, что имеет. Вторым мифом отец Павел назвал возрождение церкви в России. «Что возрождается? Руины», — сказал он, — А ложь церковной жизни какой была, такой и осталась».

А.А. Иголкин, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, провел краткий сравнительный анализ эпохи 1980-1990-х и времени Николая I и последовавших за ним реформ Александра II.

Завершая обсуждение, отец **Георгий Кочетков** вернулся к вопросу: почему покаяние не произошло и возможно ли, чтобы оно произошло сейчас? По его мнению «то, что происходило, было результатом полной насильственной потери нашей пассионарности». Именно это он считает причиной общей неспособности брать ответственность не только за себя, но и за других: «Когда мы научимся брать ответственность за других и каяться не только за себя, тогда мы покажем, что у нас появились хоть какие-то нормальные, позитивные духовные силы, что у нас не масса, а народ. А это будет уже новый народ — старый вырезан, погиб в войнах, революциях, смутах, в лагерях, или просто от страха, или еще как-то духовно. Но страна не может быть не заселена народом. Чтобы наш народ родился, покаяние крайне необходимо. Как это может произойти, не знаю. В истории не так много примеров, тем более, если государство больше Грузии или Монако. Можно надеяться только на чудо. Никакими призывами здесь не поможешь. Но изнутри исторического опыта церкви, христианства как целого это может родиться и осуществиться. Может быть, придется обратиться к опыту не только нашей церкви и страны или даже не только православия. Но я знаю, что у Бога наверняка есть возможность для этого. Мы только должны ее увидеть, познать, для того чтобы осуществить, потому что наше покаяние соответствует воле Божьей. Без этого мы народом не станем, как и церковь без этого не возродится в качестве Народа Божьего».

(Фото Евгения Фоминых, Кирилла Мозгова и Дмитрия Писарева)